

И. Н. ЮРКИН, С. П. КАЛИТА

АКАДЕМИЯ НАУК В ГОСТЯХ У ДЕМИДОВЫХ: ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ МУЗЕЙ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ПОСЛЕ ПОЖАРА 1747 ГОДА

В статье рассмотрен недостаточно изученный период истории академической библиотеки и Кунсткамеры – двадцатилетие после произошедшего в 1747 г. пожара, вследствие которого их фонды были перемещены в дом Демидовых на Васильевском острове. Основное внимание уделено первым месяцам после пожара и периоду с 1758 по начало 1767 г., когда дом перешел в собственность Н. А. Демидова, на протяжении десятилетия добивавшегося его освобождения. Обсуждаются вопросы: почему эти подразделения академии оказались именно в демидовском доме? почему, попав в него, они так долго в нем оставались? кто и как хранил и использовал здесь коллекции? какими были отношения владельца дома и академической администрации? Рассмотрено участие М. В. Ломоносова в решении вопросов, касающихся перемещения академических коллекций в восстановленные помещения. Используются документальные источники из фонда Демидовых в Российском государственном архиве древних актов.

Ключевые слова: Академия наук, Академическая библиотека, Кунсткамера, Демидовы, И. И. Тауберт, коллекции.

История первого в России музея – петровской Кунсткамеры и одной из старейших сохранившихся библиотек – академической – издавна привлекают внимание исследователей истории русской культуры. Богатому событиям прошлого Кунсткамеры посвящено монографическое исследование Т. В. Станюкович¹. К юбилеям Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (фактически – к общему юбилею Кунсткамеры и Библиотеки Академии наук) было подготовлено и опубликовано несколько сборников, содержащих исследования по истории их замечательных собраний². На официальном сайте РАН размещен проект «Кунсткамера (1714–1836): к 300-летию первого академического музея»³.

¹ Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л., 1953.

² 250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого / Отв. ред. Л. П. Потапов. М., 1964 (Сборник МАЭ. Т. 22); 285 лет петербургской Кунсткамере: материалы итоговой научной конференции МАЭ РАН, посвященной 285-летию Кунсткамеры / Отв. ред. Ч. М. Таксами. СПб., 2000 (Сборник МАЭ. Т. 48).

³ См.: <http://www.ras.ru/kunstkamera/f27eca03-bd7c-4706-943a-22da91f03f2c.aspx>.

Несмотря на неизменный интерес к теме, далеко не все периоды истории Библиотеки АН и Кунсткамеры изучены в равной степени подробно. Один из недостаточно разработанных периодов – почти два десятилетия после пожара, случившегося в академических палатах в конце 1747 г., годы, в течение которых книги и экспонаты хранились в доме Демидовых⁴ на Васильевском острове. Удивительно: тот факт, что некоторое время эти коллекции находились в Кикиных палатах, упомянут в любом издании, посвященном истории Кунсткамеры, в то время как вдвое более продолжительное их пребывание в городской усадьбе Демидовых может быть в них и не отмечено⁵. Столь длительное нахождение ценнейших коллекций в этом чужом для них частном доме составляет целую эпоху в истории как библиотеки, так и Кунсткамеры. Между тем многие вопросы, приходящие в голову при обращении к этому периоду, не ставились или, поставленные, были разработаны недостаточно глубоко.

Интересный аспект этой истории – ее связь с жизнью и академической работой М. В. Ломоносова. Большая часть его деятельности в академии приходится на время, когда Библиотека АН и Кунсткамера находились в доме Демидовых. Обращаясь к их собраниям, он его, несомненно, неоднократно посещал. Занимаясь академическими делами в качестве советника Академической канцелярии, он не мог оставаться (и не оставался) в стороне от проблем, связанных с подготовкой возвращения библиотеки и Кунсткамеры в восстанавливаемые для них помещения. Контактам Ломоносова с Кунсткамерой посвящена специальная статья Н. П. Копаневой⁶. Как нам представляется, приведенный в ней материал может быть дополнен.

Настоящая статья преследует цель обогатить знания об истории академических библиотеки и Кунсткамеры в период, когда они находились в доме Демидовых, попытаться выявить «движущие силы» образующих эту историю событий, выделить объективную и субъективную их составляющие. Достижение цели предполагает поиск ответа на ряд вопросов. Почему эти подразделения академии оказались именно в демидовском доме? Почему, попав в него, они так долго в нем оставались (в связи с этим – какими были в эти годы отношения владельца дома и временного им пользователя)? Кто и как коллекции здесь хранил, пополнял, использовал? На большинство из этих вопросов какие-то ответы в литературе найти можно, но многие из них представляются нам по меньшей мере неполными.

Существенно продвинувшись в понимании содержания, подоплеку и логики событий позволяют документы фонда Демидовых, хранящегося в Российском государственном архиве древних актов. Наибольший интерес представ-

⁴ До 1745 г. здание принадлежало А. Н. Демидову, с 1745 по 1757 г. – его наследникам, с конца 1757 г. – Н. А. Демидову. Соответственно для периода с декабря 1747 по 1 декабря 1757 г. пишем «дом Демидовых», далее по 1767 г. включительно – «дом Н. А. Демидова».

⁵ См., например, сайт, посвященный истории Кунсткамеры. Он сообщает, что после пожара «сохранившиеся книги и вещи срочно перевозились в ближайшие к Кунсткамере дома», не уточняя, в какие (<http://www.ras.ru/kunstkamera/a60adfe7-d08e-4cb6-800b-342599d81b2f.aspx>).

⁶ См. об этом: Копанева Н. П. М. В. Ломоносов и Кунсткамера // Ломоносовские чтения в Кунсткамере. К 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова / Отв. ред. М. Ф. Хартанович, Ю. К. Чистов. СПб., 2011. Вып. 1. С. 8–18.

ляет архивное дело, образованное документами, отразившими многолетнюю борьбу Никиты Акинфиевича Демидова за петербургский дом, отошедший ему после раздела с братьями – тот самый, в котором «гостили» Библиотека АН и Кунсткамера. Это дело дополняют материалы других единиц хранения того же фонда.

На пожаре и пепелище (декабрь 1747 – январь 1748 г.)

5 декабря 1747 г. в Петербурге, на Васильевском острове, в здании, где размещались академические библиотека и Кунсткамера, случилось происшествие, на многие годы определившее последующую их судьбу: «учинился» пожар⁷. После разбирательства вину за него возложили на неаккуратного сторожа, но высказывались и другие предположения. Ломоносов исток будущего несчастья усматривал в затеянном И. Д. Шумахером перемещении подразделений академии:

...во время сей перемены переведены были некоторые мастеровые люди в кунсткамерские палаты, в такие покои, где печи едва ли с начала сего здания были топлены и при переводе тогдашних мастеров либо худо поправлены или и совсем не осмотрены⁸.

Передавая один из циркулировавших слухов, он писал, что источником возгорания могло явиться лежавшее близ трубы бревно, «кое от топления загорелось».

Утрачено было многое (Ломоносов: «Погорело в Академии, кроме немалого числа книг и вещей анатомических, вся галерея с сибирскими и китайскими вещами, Астрономическая обсерватория с инструментами, Готторпский большой глобус, Оптическая камера со всеми инструментами и старая Канцелярия с оставшимися в ней архивными делами...»⁹). Но значительную часть книг и большинство музейных предметов удалось от огня спасти. Вынесенные через двери и выброшенные из окон, первое время они лежали под открытым небом: «...на реке (то есть на берегу. – *И. Ю., С. К.*) кладены были»¹⁰.

На следующий после пожара день глава Академической канцелярии Иоганн Даниил (Иван Данилович) Шумахер и унтер-библиотекарь Иоганн Каспар (Иван Иванович) Тауберт (именно в его непосредственном ведении находились академические библиотека, Кунсткамера и Медальный кабинет (он же Минцкабинет) рапортовали о «пожарном случае» президенту Академии наук действительному камергеру графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому. Степень понесенного ущерба была не ясна, оценить ее можно было лишь

⁷ Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1895. Т. 8 (1746–1747). № 831. С. 618.

⁸ Ломоносов М. В. Краткая история о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.: СПб., 2012. Т. 10. № 471. С. 230.

⁹ Ломоносов. Краткая история о поведении Академической канцелярии... С. 230.

¹⁰ Материалы для истории Императорской Академии наук... Т. 8. № 828. С. 615.

разобрав спасенное. Ускорить работу мог «особливый дом для разобранья вещей», который они уже присмотрели. По их мнению, «Демидова (курсив в оригинале. – И. Ю., С. К.) каменный дом, как для близости, так и для безопасности, за способнейший признается»¹¹. Пока же спасенное имущество «в крайнем беспорядке» временно разместили в других академических палатах, а также в располагавшемся поблизости доме Строгановых (академия снимала его для своих учеников и их учителей).

Предложение насчет демидовского дома понравилось Разумовскому. В поданном императрице Елизавете Петровне 7 декабря рапорте он писал, что вещи надо «расположить опять в порядок»¹², а для этого «потребен особливый дом, который бы был от огня безопасен». Таковы находящиеся «в самой близости» от академических палат «палаты дворян *Демидовых* (курсив в оригинале. – И. Ю., С. К.), которые больше железом, нежели деревом снабжены». «Не повелите ли, – спрашивал Разумовский, – оный [...] отдать под библиотеку и кунсткамору до будущаго соизволения и высочайшей своей резолюции»? Дом, хотя и тесен, все же достаточен, чтобы «разобраться» «о всех подробно вещах: которые сохранены, которые пропали и которые от повреждения исправить в непродолжительном времени должно»¹³.

Дом, привлечший внимание академии, находился поблизости от пострадавшего здания – на берегу Малой Невы недалеко от стрелки Васильевского острова, между палатами, с запада, княгини А. И. Голицыной¹⁴, с востока – баронов братьев Строгановых. Палаты были трехэтажными, на подвалах, тянулись вдоль улицы на 20 саженей с аршином при ширине 9 саженей (44 × 19,5 м)¹⁵. Фасад на 13 осей имел три ризалита, высокое крыльцо с двумя входами, пилястры композитного ордера. По размерам и внешнему облику демидовский дом лишь немногим уступал стоявшему рядом строгановскому (фасад на 15 осей) (рис. 1). Дом Демидовых был построен, вероятно, сразу после указа об освоении Васильевского острова – в 1716–1717 гг. Первоначально он принадлежал графу Петру Матвеевичу Апраксину¹⁶. Во второй половине 1720-х гг. (по одним данным в 1726 г.¹⁷, по другим – в 1729-м¹⁸) это владение перешло

¹¹ Там же. № 833. С. 620.

¹² Обратим внимание: речь идет уже не о разборке вещей с целью выявления утрат, а о приведении коллекции «в порядок», т. е. об устройстве системы хранения и, может быть, воссоздании экспозиции.

¹³ Материалы для истории Императорской Академии наук... Т. 8. № 859. С. 633–634.

¹⁴ Владелец по состоянию на 1723 г.

¹⁵ Николаева М. В. Частные застройщики петровского времени – дома-дворцы на набережных Большой и Малой Невы // Петровское время в лицах – 2008. СПб., 2008. С. 202, 203; Николаева М. В. Санкт-Петербург Петра I. История дворовладений: застройка и застройщики. М., 2014. С. 91, 92. По другим сведениям на момент приобретения Демидовым каменные палаты имели размер 26 на 20 саженей (*Кафенгауз Б. Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 175).

¹⁶ Николаева. Частные застройщики петровского времени... С. 202, 203; Николаева. Санкт-Петербург Петра I... С. 94.

¹⁷ *Кафенгауз.* История хозяйства Демидовых... С. 175. Автор ссылается на документ в Отделе рукописей РГБ.

¹⁸ Николаева. Частные застройщики петровского времени... С. 202. Автор ссылается на данные Г. Ю. Никитенко и В. Д. Соболя. В новейшей публикации датировка более осторожная:

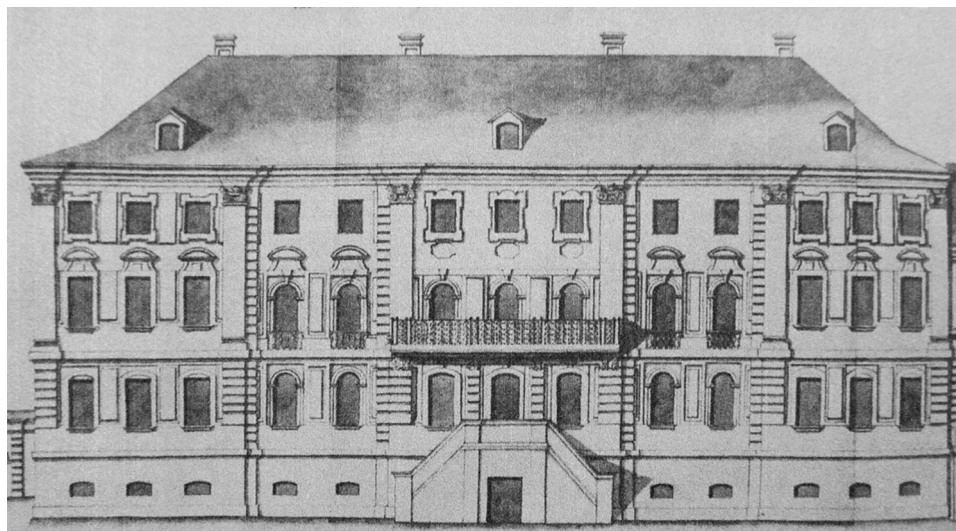

Рис. 1. Фасад дома Демидовых на Васильевском острове.
Из коллекции Ф. В. фон Берхгольца, 1740-е гг.

к крупнейшему российскому металлургическому предпринимателю той эпохи Акинфию Никитичу Демидову.

В августе 1745 г. тот умер, предварительно завещав все заводы младшему из сыновей Никите. Однако через полтора месяца после смерти заводчика императрица специальным указом объявила:

...то их (Демидовых. – И. Ю., С. К.) имение все суть государственная полза и, дабы оное меж ими, детьми ево, в спорах и тяжбах не пропало, того ради мы намерение имеем о том их разделе сами все милостивейше рассмотреть¹⁹.

Разрешив вдове и детям заимствовать из наследства средства «на употребление в пищу и в другия необходимыя расходы», указ запретил пользование остальным: потребовал «все и везде по описям велеть хранить в целости». Пока шло описание имущества²⁰ и готовился его раздел, управление им должно было осуществляться из общей конторы²¹.

Дворы и дома Акинфия Демидова, а их после его смерти осталось немало²², были частью этого имущества и ждали, когда определится их хозяин.

говорится, что к Демидову двор поступил не «в», а «к» 1729 г. (Николаева. Санкт-Петербург Петра I ... С. 94).

¹⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 230.

²⁰ Подробности того, как оно проходило, см.: Юркин И. Н. К последней пристани (Акинфий Никитич Демидов в 1745 году) (в печати).

²¹ Кафенгауз. История хозяйства Демидовых... С. 237.

²² 24 двора, все с постройками. Каменных домов у него было не менее восьми. В Петербурге Акинфию принадлежали два каменных дома: на Васильевском острове и на Фонтанке, в приходе церкви Симеона Богоприимца (Юркин И. Н. Демидовы: Столетие побед. М., 2012. С. 289).

Началась подготовка к разделу, проходившая в атмосфере резкого обострения отношений между Никитой и старшими его братьями Прокофием и Григорием. В то время, как они спорили и писали друг на друга жалобы, заводы работали. Но немалая часть прочего имущества не использовалась никак.

В том числе и Акинфиев дом на Васильевском. Удобно (для нужд академии) расположенный, находившийся в удовлетворительном состоянии, он не имел хозяина (имея сразу минимум трех) и до завершения раздела не мог быть продан или заложен. Это и определило возникший интерес к нему в качестве временной площадки для размещения имущества пострадавшей академии.

К 14 декабря этого года решение по поводу его судьбы, не будучи подписано, фактически было уже принято. Любопытны изменения в мотивировке выбора. Цель переноса – не размещение вещей, необходимое, чтобы оценить утраты, и даже не приведение коллекций в порядок, а «предосторожность от огня». Намечены действия по приспособлению дома: для «книг и вещей разостановления» приказано сделать «пристойныя» полки, для чего столярному мастеру Фричу купить доски. «А в которых покоях какие надобно сделать полки, о том ему Фричу, показано будет от канцелярии»²³. Из последнего заключаем, что детального плана размещения имущества в помещениях еще не существовало.

Исполнение распоряжения натолкнулось на неожиданное препятствие. Выяснилось, что дом к принятию фолиантов и экспонатов не готов не только из-за отсутствия полок и шкафов.

В оном доме и ныне живут некоторые жильцы, да и в погребях нечто-ж накладено такое, от чего немалая происходит вонь, во вред академическим вещам, да и в покоях полы гораздо доска от доски редки, и окончины и стены в полатах и со двора и изнутри, да и сени не чисты²⁴.

(Вот в какое состояние пришел дом крупнейшего промышленника России спустя два с месяцами года, истекшие после его смерти.) 22 декабря надзиратель Бок получил распоряжение перечисленное немедленно исправить:

во всех покоях, полы, где редки, сколотить и вымыть [...] окна вычистить и стены побелить известью, и лестницы и в погребях по тому-ж все вычистить же, и около двора всякий дряск убрать работными людьми академическими и истопниками, а буде теми людьми исправиться не можно, то нанять вольных людей²⁵.

Боку поручалось потребовать от жильцов, «дабы в наискорости из погребов все было вывезено». «Кто же ныне в том доме живут, тех-бы принуждать, чтобы конечно выехали к завтрашнему числу»²⁶. Темп поразительный: на освобождение дома отведены сутки.

²³ Материалы для истории Императорской Академии наук... Т. 8. № 878. С. 645.

²⁴ Там же. № 890. С. 656.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

Рис. 2. Императрица Елизавета Петровна.
Фрагмент картуша плана
Санкт-Петербурга, 1748 г.

Именной указ императрицы (рис. 2) об отдаче «под академию» дома Демидовых был дан Сенату 23 декабря 1741 г. Обратим внимание на дату. Она приведена и в посвященной истории Кунсткамеры монографии Станюкович, но в ней ей придан несколько иной смысл. В книге сказано, что по просьбе Разумовского для разбора вещей академии был предоставлен (дата отсутствует) дом Демидовых «впредь до [...] указа, по коих мест академические полаты построены будут». Присутствующая далее сноска отсылает к публикации в «Санкт-Петербургских ведомостях» 1748 г., но что за документ процитирован – указ, сообщение – из текста Станюкович неясно. Сразу за этим сообщается, что «к 23 декабря было предписано дом этот от жильцов освободить, очистить от мусора и побелить»²⁷. Логично предположить, что указ о передаче дома был дан прежде предписания о его освобождении и очистке, т. е. до 23-го. Реальная картина, однако, интереснее. Дата указа о передаче дома – именно 23 декабря. Содержавшееся в нем повеление лаконично:

Всемиловитейше повелеваем отдать под библиотеку нашу и Кунсткамеру дом дворян Демидовых впредь до нашего указа, по коих мест академические полаты построены будут²⁸.

Газета, как видим, процитировала не что иное, как указ. А требование подготовить дом – по-видимому, из охарактеризованного нами выше решения Академической канцелярии, приступившей к исполнению указа на день раньше его подписания. Большого нарушения здесь не было. В канцелярии, видимо, знали, что решение вот-вот будет принято и решили не терять время зря.

В указе императрицы ничего не говорилось о компенсации расходов, связанных с использованием дома. Однако этот вопрос тогда поднимался, и по нему было вынесено решение, правда, письменно не оформленное. Узнаем об этом из позднего, мая 1765 г., прошения Н. А. Демидова в Кабинет Ея Императорского Величества, в котором он, в частности, пишет:

И сколько лет оной (дом Демидовых. – И. Ю., С. К.) под Библиотекою и Кунсткамерою пробудет, за все то время от высочайшего Вашего Императорского Величества Кабинета чрез статского советника Василья Ивановича Демидова объявлено, что имеют быть ис казны выданы денги²⁹.

²⁷ Станюкович. Кунсткамера Петербургской академии наук... С. 120.

²⁸ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 36.

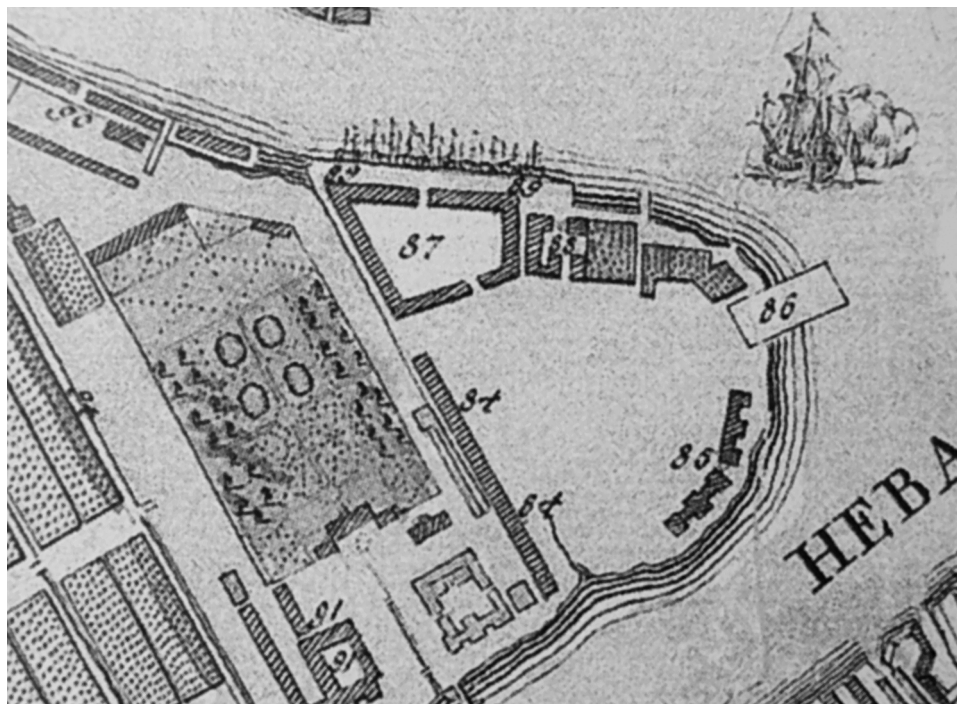

Рис. 3. Стрелка Васильевского острова на Плате императорского столичного города Санкт-Петербурга, 1737 г. Между Театром фейерверков (№ 86) и Портовой таможенной (№ 88) дома Строгановых (ближе к театру) и Демидовых. Под № 85 – Академия наук с библиотекой и Кунсткамерой

Когда этот Василий Иванович (с Демидовыми-металлозаводчиками в родстве не состоявший) дал соответствующие заверения своим однофамильцам, сказать трудно, но, можно думать, до 12 декабря 1748 г. – даты пожалования в *действительные* статские советники ³⁰.

Недавнее несчастье заставляло академию особо заботиться о пожарной безопасности. Указывая на подходящий дом, Разумовский отнюдь не случайно отмечал, что демидовские палаты «больше железом, нежели деревом снабжены». В первый день нового 1748 года должен был состояться большой фейерверк – событие, вызывавшее беспокойство. На самой стрелке Васильевского острова, т. е. в непосредственной близости от здания академии, находился объект, особо опасный в пожарном отношении. Под названием «театрум, где бывають илюменация» (или схожим) он показан на петербургских планах того времени Зигхейма (1738) и Трускота (1748–1749) ³¹ (рис. 3). Не приходится сомневаться, что в академии помнили об этом соседе, с тревогой ожидая дня,

³⁰ «Скаски» елизаветинской России [Опрос сановников, сотрудников госучреждений, придворных при дворе Елизаветы Петровны, 1754–1756 гг.] / Публ. К. А. Писаренко // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2007. [Т. 15]. С. 95.

³¹ Николаева. Санкт-Петербург Петра I... С. 84–85.

когда приготовления закончатся и смеси будут зажжены. Во избежание повторения трагедии здесь решили потребовать прибытия на дежурство пожарной команды, для чего 30 декабря запросили сто солдат с топорами, кирками и ведрами³². В последний день уходящего года из Петербургской гарнизонной канцелярии в Академическую канцелярию было послано известие, что солдаты с обер- и унтер-офицерами для охраны посланы³³.

Перемещение вещей в строгановский и демидовский дома началось, когда не минуло и недели после пожара. Но перенесение основной их массы задержалось в связи с подготовкой помещений. К 14 января 1748 г. задача была решена: в демидовском доме устроены «для разстановления вещей удобныя [...] места». Полки под книги были сделаны новые, а экспозиционное оборудование для коллекций Кунсткамеры использовали уже существующее – музейные шкафы, пережившие пожар³⁴. Теперь уже ничто не мешало перенести сюда предметы из «мастерских» палат³⁵.

18 января Тауберт внес в Академическую канцелярию представление, в приложении к которому описал порядок расположения книг и экспонатов в осваиваемых помещениях. На верхнем и нижнем этажах намечалось разместить преимущественно книги, музею же (включая Минеральный кабинет) отдавался средний этаж³⁶. Здесь же помимо естественно-научных коллекций намеревались разместить предметы историко-художественного и мемориального значения: Минцкабинет, «художественные вещи» и «восковую персону» «со всеми при том находящимися вещьми». 19 января канцелярия проект утвердила³⁷. Станюкович отметила, что сопоставление проекта Тауберта с поэтажными чертежами дома Демидовых позволяет «совершенно точно восстановить, что и где было размещено»³⁸.

Одновременно с подготовкой плана размещения книг и экспонатов решил-ся вопрос с персоналом, которому предстояло его реализовать. 14 января канцелярия определила требовать от Военной коллегии 20 солдат с унтер-офицером и капралом. На случай, если эти солдаты быстро перенести вещи не смогут, заранее просила заменять одну бригаду другой³⁹. Оперативно обсудив вопрос, Военная коллегия уже 19 января приняла решение, удовлетворявшее просьбу академии: для переноски из «академических апартаментов, где находятся мастерские палаты», вещей в дом Демидовых командировать Санкт-Петербургского гарнизона унтер-офицера, капрала и 20 рядовых, велев им приходиться не позднее «по полуночи осьмаго часа»⁴⁰.

³² Материалы для истории Императорской Академии наук... Т. 8. № 903. С. 666.

³³ Там же. № 911. С. 672.

³⁴ Станюкович. Кунсткамера Петербургской академии наук... С.120.

³⁵ Материалы для истории Императорской Академии наук... 1897. Т. 9 (1748–1749 (январь – май). № 21. С. 16.

³⁶ Там же. № 28. С. 19. Имели место и отклонения от этой схемы. На нижнем этаже помимо книг разместили токарные машины, на среднем с музейными экспонатами – «иллюминированья» книги.

³⁷ Материалы для истории Императорской Академии наук... Т. 9. № 29. С. 20.

³⁸ Станюкович. Кунсткамера Петербургской академии наук... С. 122.

³⁹ Материалы для истории Императорской Академии наук... Т. 9. № 21. С. 16.

⁴⁰ Там же. № 42. С. 31.

21 января содержащая это определение бумага из Военной коллегии поступила в Академическую канцелярию, вскоре после чего, очевидно, и началось перемещение основной массы книг и экспонатов в демидовский дом ⁴¹. С этого времени упоминания о нем из «Материалов к истории Академии наук» надолго исчезают. Работа перешла в рутинную, не требовавшую принятия новых решений стадию.

У дома появляется хозяин; его попытки вступить в права (1758–1760)

К 1747 г. контакты Демидовых и Академии наук имели давнюю историю. В библиотеке Акинфия Никитича Демидова, первого из этой династии владельца дома на Васильевском, имелись книги, изданные в типографии академии ⁴². Не раз свое внимание на Демидовых обращали и академики. Так, И. Г. Гмелин в ходе Второй Камчатской экспедиции посетил ряд их заводов, описание которых включил в «Путешествие по Сибири» ⁴³. Побывав на Алтае, он подготовил статью «История Кольвано-Воскресенского завода Акинфия Никитича Демидова», являющуюся, как полагают, первым оригинальным сочинением по истории этого предприятия, занимающего особое место в истории промышленного освоения края ⁴⁴. Созданный сыном Акинфия Григорием ботанический сад в селе Красном (под Соликамском) посещали участники Северной экспедиции Академии наук И. Г. Гмелин, Г. В. Стеллер и Г. Ф. Миллер ⁴⁵. Здесь бывали и другие члены академии, в том числе И. И. Лепехин, оставивший его описание. Возвращавшийся из экспедиции в Петербург Стеллер в 1746 г. провел некоторое время в гостях у Г. А. Демидова. Вынужденный вернуться в Иркутск, ученый оставил у него коллекции и растения, которые вез для Ботанического сада Академии наук. После скоропостижной смерти Стеллера Демидов передал эти материалы в академию ⁴⁶. Контакты с академией поддерживал и старший брат Григория Прокофий. Живя в Туле, он переписывался с академиком И. Амманом, посылал ему собранные им семена местных растений ⁴⁷. Позднее он принимал в своем московском ботаническом саду академика П. С. Палласа, который не только подробно с ним ознакомился, но и создал каталог находящихся в нем рас-

⁴¹ Какая-то, вероятно небольшая, часть этого имущества была перемещена сюда раньше, до начала 1748 г. Об этом можно заключить, в частности, из документа от 28 декабря 1747 г. (Материалы для истории Императорской Академии наук... Т. 8. № 903. С. 666).

⁴² *Пирогова Е. П.* Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург, 2000. С. 11–17; *Юркин И. Н.* Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства. Опыт науковедческой просопографии. М., 2001. С. 38–40.

⁴³ *Гмелин И.* Путешествие в Сибирь. Соликамск, 2012. С. 19–26; 32–37.

⁴⁴ *Белковец Л. П.* Иоганн Георг Гмелин. 1709–1755. М., 1990. С. 107.

⁴⁵ *Гмелин.* Путешествие в Сибирь... С. 65.

⁴⁶ *Юркин.* Демидовы – ученые, инженеры... С. 118, 119.

⁴⁷ Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735–1786. Екатеринбург, 2010. № 2; *Юркин.* Демидовы: Столетие побед... С. 363–364.

тений⁴⁸. Прокофий Акинфиевич и его младший брат Никита приняли участие в организации сбора руд для одного из последних проектов Ломоносова, сочинения «Российская минералогия». Демидовские материалы поступили в Петербург уже после смерти ученого, они пополнили минералогическую коллекцию академии⁴⁹.

С учетом сказанного можно предположительно, но при этом достаточно уверенно охарактеризовать отношение Демидовых к тому, что произошло с их домом на Васильевском. Полагаем, что принятое императрицей решение встретило с их стороны понимание и поддержку. Об этом говорит уже то, что на протяжении длительного времени они не высказывали недовольства сложившейся ситуацией. Сведения о первой попытке владельца сообщить академии, что у него имеются свои виды на этот дом, относятся только к 1758 г. – к тому времени с момента ее вселения прошло десять лет.

Попытке предшествовало событие, ключевое для судьбы всей оставленной А. Н. Демидовым промышленной империи. 1 декабря 1757 г. длившаяся больше 12 лет история раздела его имущества получила, наконец, юридическое разрешение. Сыновьям Акинфия были вручены документы, содержащие описание схемы разделения, – сведения, кому какая часть имущества отныне причиталась. За этим должен был последовать раздел фактический. Ориентиром служило 1 мая 1758 г., когда, как было намечено, братья вступят в свои права⁵⁰.

Дом на Васильевском острове достался младшему из братьев, Никите Акинфиевичу (рис. 4). Подолгу живя в Петербурге в годы, когда готовился раздел⁵¹, он имел возможность познакомиться с этим зданием и, надо думать, неплохо его узнал. В марте 1758 г.⁵² он подал прошение на имя императрицы. Демидов писал, что перенесенные в отцовский (ныне его, Никитин) дом академические библиотека и Кунсткамера находятся в нем более десяти лет. Напоминал о давнем обещании, что за это будет заплачено. Сообщал, что, осмотрев дом, увидел, что тот «в худом состоянии».

---

⁴⁸ [Паллас П. С.] Каталог растениям, находящимся в Москве в саду его превосходительства действительного статского советника и Императорского Воспитательного дома знаменитого благодетеля Прокофия Акинфиевича Демидова сочиненный П. С. Палласом, академиком Санкт-петербургским. СПб., 1781.

⁴⁹ Кафенгауз Б. Б. О «Российской минералогии» М. В. Ломоносова // Исторический архив. 1950. Т. 5. С. 179–189; Юркин И. Н. Документы Берг-коллегии о сборе руд и минералов для М. В. Ломоносова // Новое о Ломоносове: материалы и исследования. К 300-летию со дня рождения. М., 2011. № 26–28. С. 181–183; Фотографии подписанных Демидовыми документов, связанных с этой работой, см. в статье: Юркин И. Н. «Российская минералогия»: новые источники по истории незавершенного проекта М. В. Ломоносова // Новое о Ломоносове... С. 152–154.

⁵⁰ Юркин. Демидовы: Столетие побед... С. 340.

⁵¹ Например, для 1757 г. известно о пребывании Н. А. Демидова в столице в период с 15 января по 24 февраля (РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 88. Л. 9, 12, 14) и с 28 октября по 1 декабря (Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 228, 265, 269 об.) Но, как станет ясно из дальнейшего, он жил не в доме на Васильевском.

⁵² В используемом нами отпуске документа день не указан. В канцелярию академии прошение поступило 27 марта (РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 5).

И не токмо кругом ево вся подмаска опустилась, но и полы и подволоки, которыя суть накатныя, весьма ветхи, и опасно, чтоб от той ветхости вторичнаго Кунстъкамере и Библиотеке незапного повреждения не учинилось, ибо и стены во многих местах розселись, а надворныя службы и все опустились.

Демидов просил библиотеку и Кунсткамеру, если есть куда, «перенести», а ему выдать от академии необходимые на ремонт деньги подобно тому, как Строгановым они «за такой же от Академии наук постой выдаваны были»⁵³.

Прошение было подано в Академическую канцелярию, еще одно, близкого содержания, – отправлено персонально ее президенту Разумовскому⁵⁴. Ответ канцелярии Демидова не обрадовал. Оплачивать пребывание в его доме она отказалась, поскольку в указе из Сената от 24 декабря 1747⁵⁵ г. «ни о каком платеже денег от Академии не упомянуто». Отказ последовал и на просьбу освободить помещение: «Полаты Библиотеки и Кунстъкамеры строением еще не окончаны и потому неизвестно, сколь скоро вещи на прежнее место перенесены быть могут»⁵⁶.

Первая попытка Демидова изменить окаменевшую за десятилетие ситуацию окончилась для него неудачей. Но находившийся в самом расцвете сил (ему шел 34 год) энергичный хозяин не собирался опускать руки.

19 июня 1760 г. поверенный Демидова в Петербурге Степан Трофимов подал в Главную полицмейстерскую канцелярию прошение, в котором, исполняя поручение, просил разрешение на строительство пристани напротив хозяйского дома на Васильевском⁵⁷. Уже на следующий день к этому проекту был прикреплен архитектор Христиан Кнобель. Ему предписали выяснить: там, где Демидов хочет строить пристань, «по сочиненному ко опробации Васильевской части плану той пристане быть положено ль» и не будет ли повреждения от ее постройки речному берегу⁵⁸. Кнобель отправил на место

Рис. 4. Портрет Н. А. Демидова.
Художник Л. Токке, 1756–1758 гг.

⁵³ Там же. Л. 2–3.

⁵⁴ Там же. Л. 4.

⁵⁵ Академия в качестве определяющего ссылалась на этот, вторичный, указ, поскольку для исполнения получила именно его.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 5–5 об.

⁵⁷ Там же. Л. 6–6 об.

⁵⁸ Там же. Л. 7.

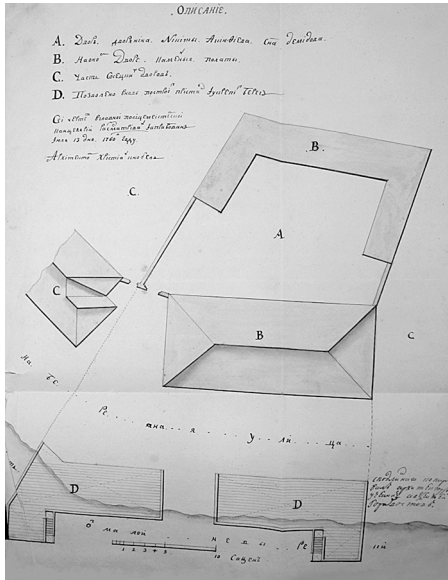

Рис. 5. Санкт-Петербург, Васильевский остров. План домовладений баронов Стрoгановых и Н. А. Демидова с проектом пристани на Малой Неве. Север внизу. Июль 1760 г. (РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 8)

пользовать его так, как оно использовалось при отце, – в частности, для хранения подвозимого по воде железа. И нам понятно, почему он так держался за это место. Если рассмотреть на планах города застройку окрестностей, можно увидеть, насколько оно удобно для торговли главным демидовским товаром. Чуть ниже на том же левом берегу Малой Невы располагалось здание портовой таможни, сразу за ней – комплекс кладового гостиного двора и биржи, а перед ним – большая пристань.

Очень скоро Демидов предпринял новую попытку освободить дом на Васильевском.

Демидов просит, Сенат выносит решение (1760–1761)

В прошении, поданном в Сенат в ноябре–декабре 1760 г., Демидов так обрисовал положение дел с его домом: в нем

Библиотека и Кунсткамера и поныне стоят, чему уже прошло тринадцать лет, ибо Канцелярия Академии наук отстройкою своих полат весьма

архитектурного ученика Авксентия Горихвостова⁵⁹. Тот начертил план участка с будущей пристанью на нем, Кнобель передал его на рассмотрение Полицмейстерской канцелярии⁶⁰. 7 июля та известила о разрешении строить при условии неприкосновенности места, отведенного под улицу. Работы следовало производить под наблюдением («смотреть накрепко») – его, Кнобеля, и офицеров Васильевской части⁶¹. 13 июля на имя Демидова был выдан разрешавший работы билет, тогда же сообщено об этом на Съезжий двор⁶² (рис. 5). Затем, возможно, последовало собственно строительство, но сведений о нем у нас нет.

Зачем мы изложили этот эпизод, в котором ни Академия наук, ни ее учреждения не упомянуты? Затем, что он косвенно демонстрирует планы домовладельца. Пока еще не способный отстоять свои права Демидов от них не отказывался. Он обустроивал коммуникации, чтобы, вернув здание, использовать его так, как оно использовалось при отце, – в частности, для хранения подвозимого по воде железа. И нам понятно, почему он так держался за это место. Если рассмотреть на планах города застройку окрестностей, можно увидеть, насколько оно удобно для торговли главным демидовским товаром. Чуть ниже на том же левом берегу Малой Невы располагалось здание портовой таможни, сразу за ней – комплекс кладового гостиного двора и биржи, а перед ним – большая пристань.

⁵⁹ В документе *Горихвостова*.

⁶⁰ Рапорт Кнобеля датирован 3 июля, приложенный к нему план – 13-м (Там же. Л. 7 об., 8). Какая-то из этих цифр ошибочна. Учитывая хронологию последующих событий, за достоверную принимаем 3 июля.

⁶¹ Там же. Л. 9–9 об.

⁶² Там же. Л. 10–10 об.

не поспешает. А между тем означенной мой двор чрез толикое время в строении своем опускаетца [...] кровли стали быть ветхи, которыя хотя на полатах железная, а на протчих службах черепишная, однако ж железная во многих местах проржавела, а черепишная от дождей и морозов перелопалась, а подмаска вся отпадала, колми ж паче полы и потолки накатные, и опасно, чтоб чрез толь долгое время от поставленной в них тягости не обвалилась и вновь оной Кунсткамере не зделалось какого повреждения⁶³.

Демидов сообщает, что в марте 1758 г. уже обращался в Академическую канцелярию – просил там деньги «на поправку» двора. Канцелярия отказала, велела «просить, где надлежит». Сейчас ситуация усугубилась.

Ныне же неведомо с чего той канцелярии советник господин Тауберт ис того двора прикащиков моих выбил и ввел жить академических своих служителей. Тако ж в погреба, которыя под полатами имеютца [...] привозного из Сибири моего железа, в котором болшая часть поставленного в казенныя места, складывать не пускает, объявляя, что будто оной двор совсем отдан под Академию наук, ссылаясь на помянутой Вашего Императорскаго Величества именной указ, в котором об отдаче вовсе не упомянуто, а велено оной Библиотеке и Кунсткамере быть, покамест академическия полаты построены будут⁶⁴.

Цитированное Демидовым заявление Тауберта, «будто оной двор совсем отдан под Академию наук», заставляют задуматься. *Со всем*, т. е. в полном объеме, в том числе с подвалами, в которые не пустили демидовское железо? Или *совсем*, т. е. навсегда, как, кажется, понял Тауберта Демидов, взявшийся это оспаривать? Двусмысленные слова не могли оставить его равнодушным. Действительно: денег за постой не платят, съезжать не собираются, а теперь еще Тауберт «единым словом лишает меня онаго двора напрасно». Серия прошений Демидова, последовавших далее, – его реакция на эти обеспокоившие его слова и действия академической администрации.

В том же (конца 1760 г.) прошении Демидов снова настаивал на том, чтобы академические библиотеку и Кунсткамеру «за ветхостию полат вынести в другое место, куда за благо разсуждено будет». Просил выдать ему деньги на ремонт двора, как выдавались они Строгановым. Любопытно, что самостоятельные действия академии по поддержанию технической исправности здания («советник Тауберт ныне оной мой двор починивает казенным коштом»⁶⁵) в сложившейся ситуации он воспринимал как нарушающие его права.

Люди, квартировавшие на его дворе, беспокоили Демидова особо. Посланный в канцелярию академии запрос, «какия сверх Библиотеки и Кунстькамеры служители в [...] доме живут», удостоился, по мнению Демидова, «весьма неясного» ответа: «живут принадлежащая до Библиотеки и Кунсткамеры».

⁶³ Там же. Л. 15 об.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

«А кто имяны и почему принадлежат», замечает Демидов, канцелярия «не изъяснила и закрыла»⁶⁶.

29 марта 1761 г. он отправил в Сенат новое прошение, интересное вниманием, уделенным в нем этим «закрытым» постояльцам дома на Васильевском. В нем, утверждал он,

многия такая живут, до которых в Библиотеке и Кунсткамере никакой нужды не имеетца, а особливо жены их, дети и работницы нимало к тому не принадлежат, [из-за которых] разве еще большая опасность той Библиотеке и Куншткамере последовать может. А имянно, в том моем доме живут ундер-библиотекариус Семен Бухвостов з женою и детьми сам девять, ученик Иван Ильин сам третей, салдат Иван Фадеев сам четверть, служители и мастеровыя Богдан, а какого чину неизвестен, сам третей, щетчик Семен Никитин сам пять, Иван Беляев сам семь, Федор Степанов сам шесть, конюх Исак Анкудинов сам третей, всего сорок человек да две лошади. И у них имеютца неведомо какия нанятая служанки. И хотя бы первыя троя до Библиотеки и Кунсткамеры и принадлежали – токмо одни, а жены их и служанки, кольми ж паче последния з женами, и детьми, и служанками, нимало к той библиотеке [отношения] не имеют. А для жительства их поблизости академических полат и неподалеку от того моего двора построены особливые деревянные покои, которыя они вместо того отдают в наймы⁶⁷.

Противоестественность ситуации (дом превращен в «Воронью слободку», а специальные помещения для академических служителей сдаются в наем) усугубил эпизод, который особенно возмутил хозяина:

Как то и прикащики мои, прибывшия из Сибири в прошлом 1760-м году з железом, принуждены были у них же нанимать, а на свой двор советником господином Таубертом жить были не допущены, ис чего явная учина на мне именованному обида⁶⁸.

Демидов в очередной раз просил академические структуры из его дома «вынести», если же это невозможно – приказать «выслать» живущих в доме служителей. Просьбу подкреплял ссылкой на указ 1747 г., в котором говорилось, чтобы «вещи поставить, а о служителях нимало не помянуто», что естественно – для них при Академии имеются «особливо построенныя покои».

А для которых же хотя и покоев не будет, то им определено доволное жалованье, ис которого должны они нанимать, как и пред тем некоторыя нанимали⁶⁹.

30 мая прошение в Сенат по тому же поводу подал поверенный Трофимов. Академическое имущество, писал он, переносилось в демидовский дом «до выстройки академических полат». Ныне они выстроены, но «вещи в жилых

⁶⁶ Там же. Л. 12.

⁶⁷ Там же. Л. 12–12 об.

⁶⁸ Там же. Л. 12 об.

⁶⁹ Там же.

покоях и поныне содержатца»⁷⁰. Хотя Демидов и подавал по этому поводу прошения

со описанием приключившагося от живущих во оном разных служителей разорения, но ныне еще сверх того, что служители в нем живут, нимало к Библиотеке и Кунсткаморе не принадлежащая, чрез утеснение академического советника господина Тауберта погреба, кои бывали складкою железа и припасов, ныне заняты аглинским пивом, отчего господин мой за недопущением в те погреба складкою железа и припасов принужден с несносным убытком перевозить и складывать на Гостином дворе⁷¹.

Он также указывал на факт, как мы помним, обидевший Демидова:

За занятием академическими служителями людских покоев онаго господина моего караванные служители принуждены покой нанимать за дорожную цену у них же академических служителей, и в том господин мой претерпевает немалую обиду⁷².

Трофимов просил решить вопрос, помня, что «уже Академия отстроилась, и вещам остаются в доме господина моего нужды не предвидится»⁷³.

Изложенное – взгляд на вещи глазами Демидова. Как реагировала на его обвинения Академическая канцелярия? Узнаем об этом из недатированной копии ее ответа Сенату. Вот его резюме. Во взятом под библиотеку доме Демидова «покои принадлежащими до Академии вещми заняты все». В некоторых живут академические служители, связанные с библиотекой и Кунсткамерой. Из-за отсутствия в восстанавливаемых помещениях нужных для вещей и книг «шафов» (шкафов) демидовский дом академии «еще надобен». Он ныне в том же состоянии, в каком был принят. Перестроен в нем, кроме небольших починок и поправок, не было⁷⁴.

В чем состояли «починки», узнаем из приложенного их списка. В 1748 г. в доме разобрали печи и камин, на всех этажах сделали к дверям замки. В 1749 г. в одной из комнат ремонтировали пол. В 1750 г. вставляли стекла в «окончины» и двери. Следующие три года ремонт не производили, а вот в 1754 г. были проведены какие-то ремонтные работы одновременно и в демидовском, и в строгановском домах. Затем еще три года прошло без ремонта, а в 1758 г. взялись чинить кровлю с частичной заменой черепицы. То же и на большую сумму в 1760 г. Значительные (судя по издержанной сумме) работы были проведены в следующем году. Они включали «перекрышку вновь кровли», переделку в покоях потолков и полов, починку печей. В общей сложности за период с 1748 по 1761 г. на ремонт обоих домов было потрачено 434 руб., причем солидная часть – не меньше 285 руб. – пошла на демидовский дом⁷⁵.

⁷⁰ Там же. Л. 14.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. Л. 14–14 об.

⁷³ Там же. Л. 14 об.

⁷⁴ Там же. Л. 17.

⁷⁵ Там же. Л. 17 об.

Обращения Демидова в Сенат принесли, наконец, желанные плоды. Нужное ему решение, оформленное указом, было там принято, и 8 июня 1761 г. Сенат направил в Канцелярию Академии наук соответствующий указ⁷⁶. В личном архиве Демидовых мы его не обнаружили, что, заметим, несколько странно. Но он пересказан (несомненно, близко к тексту) в документах, возникших в связи с его исполнением. Так, в определении канцелярии академии от 12 июня 1761 г. сказано, что «указом Правительствующаго Сената Библиотеку и Кунсткамеру в доме дворян Демидовых велено перенести в непродолжительном времени»⁷⁷. Неопределенность, содержащуюся в этих словах («в непродолжительном» – это когда?), разъясняет рапорт секретаря М. Гурьева, направленный им в канцелярию академии 22 августа того же года. На вопрос, почему библиотека и Кунсткамера из демидовского дома еще не перенесены, он ответил, что «что оным указом велено книги и вещи перенести по сделанным шафам и протчаго»⁷⁸.

Указу не хватало определенности не только в части сроков. Обойденным в нем оказался, по-видимому, и большой вопрос о денежной компенсации владельцу за пользование зданием. Впоследствии Демидов жаловался, что «во удовольствие о заплате мне тогда (в 1760–1761 гг. – *И. Ю., С. К.*) никакого в Правительствующем Сенате определения и не последовало»⁷⁹.

И все же указ от 8 июня процесс подтолкнул. После него канцелярия перестала изобретать аргументы, оправдывавшие положение дел, и сделала реальные шаги к тому, чтобы, несмотря на неполную готовность академических помещений, ускорить в них переезд. Через четыре дня после указа она определила:

Делание вновь шафов впредь до рассмотрения оставить и из дому Демидова все библиотечныя и кунсткамерныя вещи перенести немедленно в академическия полаты, и расположить по тем же шафам и полкам, в коих ныне имеются. А по переноске всего живущих в том доме академических всех служителей, также буде есть какое казенное строение, то оное из того выбрать. И тот дом отдать дворянам Демидовым немедленно по описи, о чем господину канцелярии советнику, яко унтер-библиотекарю, Тауберту дать указ.

Любопытно, что невозможность демидовским служащим останавливаться в доме их хозяина вызвала при обсуждении в канцелярии удивление. Определение отразило его в распоряжении «коллегии юнкеру Орлову, осмотря в том доме [...] объявить, не дано ль для Демидовых прикащиков, приезжающих с караваном, особливаго покоя на дворе»⁸⁰.

Не ушло от внимания канцелярии и английское пиво, стоявшее в подвалах. Невероятно, но его появление там так и осталось покрыто тайной – хозяина напитка не нашли:

⁷⁶ Дата упомянута в документе, связанном с исполнением указа (Там же. Л. 21).

⁷⁷ Там же. Л. 18.

⁷⁸ Там же. Л. 21.

⁷⁹ Там же. Л. 39 об.

⁸⁰ Там же. Л. 18–18 об.

Чье аглинское пиво находится в погребах под тем домом, и по какому имянно дозволению, и кем туда поставлено, с которого времени и во скольких погребах, и как в тех, так и в протчих под оным домом погребах была ли какая казенная или от Демидовых поклажа, и какая имянно, и во всех ли или некоторых погребах – о том о всем, взяв ответ у камисара Бухвостова, доложить⁸¹.

Ломоносов, Гурьев и Тауберт о «непорядочном порядке шкафов» (1761)

Несколько позднее, в декабре 1761 г., об этом загадочном пиве упомянул в одной из служебных записок и Ломоносов. Впрочем, его происхождение для него загадкой не было – он полагал, что в дом Демидова оно проникло благодаря Тауберту:

Также произошло на оного Тауберта в Сенате челобитье от дворянина Никиты Демидова, что оный Тауберт держит в их доме не токмо людей, к Библиотеке и Кунсткамере не принадлежащих, но и аглинское пиво немалым числом бочек, о чем из Правительствующего Сената насылались в Канцелярию Академии наук указы⁸².

Вернемся, однако, в конец августа этого года, когда секретарь Академической канцелярии М. М. Гурьев был вызван в Сенат к генерал-прокурору Я. П. Шаховскому, где ответил на несколько заданных ему вопросов.

Первый: «Чего ради [...] из дому дворян Демидовых императорская Библиотека и Кунсткамера в выстроенны академическия полаты не перенесены?» Ответ: определено перенести по сделании шкафов, а они не сделаны, и сделаны быть могут, как утверждает Тауберт, не ранее как в течение года.

Второй:

В чем ныне книги и вещи расположены, и естли оставшие после бывшего пожара шафы, и какие и впредь они к постановлению в Библиотеке и Кунсткамере удобны, также сколько к ним вдобавок или совсем вновь зделать должно, и какой препорции, и с каким украшением, и в какую цену коштовать будут, и определена ль на оное сумма, и откуда.

На этот вопрос Гурьев толком ответить не смог – дело шкафов, сказал он, поручено регистратору Фирсову. Возвращался секретарь с поручением Шаховского объявить в канцелярии,

...чтоб о всем вышеписанном представлено было для рассмотрения Правительствующему Сенату от Канцелярии обстоятельно, и новым шафом рисунки с ценою неотмено сего ж августа 24 числа, дабы, видя ис того, не можно ль будет и без новых шафов, хотя на некоторое время, в разсужде-

⁸¹ Там же. Л. 18 об.

⁸² *Ломоносов М. В.* Записка о служебных преступлениях и упущениях И. И. Тауберта // *Ломоносов. Полное собрание сочинений...* Т. 10. № 463. С. 205.

нии нынешних указов в денгах недостатков обойтись⁸³, а между тем, как скоро возможно, из Демидова дому Библиотеку и Кунсткамеру перевести в академическая новья полаты и расположить вещи и книги в тех же шафах и полках, в которых ныне стоят.

Предписывалось также немедленно выслать из демидовского дома академических служителей, «дабы Правительствующему Сенату от дворян Демидовых болше жалобы и докучности в просбе не было»⁸⁴. Сенат от жалоб Демидова, как видим, устал. Игнорировать их он, однако, не намеревался.

Как развивались события, узнаем из подробного рапорта Шаховскому, поданного Гурьевым 27 августа. Он начинается с сообщения о заявлении, сделанном в Академической канцелярии Таубертом 22 августа: о скорейшем деле шкафов, заявил тот, Шаховским «накрепко подтверждено». Далее секретарь размышляет, как это так вышло, что он оказался в стороне от важного дела. Гурьев рассказывает: «по выходе» из канцелярии «господина коллежского советника Ломоносова к другим должностям, призываны были волные столяры немцы, четыре человека, и за дело шафов цены поставили без всякой один з другим переторжки». В тот же день, продолжает он, Тауберт «с тех первых запросов приказывал мне заключить с ними кондиции, не чиня болше публик». Цены, названные немцами, по мнению Гурьева, были завышены, поскольку они «при Академии во всяких почти работах обращаются одни, и других от всего отбывают и не допускают, а особливо российских, приписывая, что они ничего делать не могут». В данном случае он отнесся к ним критически еще и потому, что был «уверен от искусных архитекторов, что против требуемой оными немцами цены можно построить гораздо дешевле». Гурьев подробно объяснил, в чем его позиция не совпадает с позицией Тауберта (ее он тоже изложил), причем упомянул, что свою точку зрения не скрывал, более того, вроде бы сумел убедить профессора Я. Штелина⁸⁵. Вслед за этим в его рассказе снова мелькает фигура советника канцелярии Ломоносова:

А 24 числа при слушании поданного от меня по повелению вашего сиятельства о подаче в Сенат шафом рисунков и исчисления репорта господин советник Ломоносов мнение свое объявил, что неотменно Правительствующему Сенату об оном дать знать должно прежде, нежели кондици[i] заключены и шафы сделаны будут, и до опробации в кондиции не вступать. А господин Тауберт объявил же, что зачем не можно переноски вещам и книгам, не зделав шафов, учинить, о том имеет он представить вашему сиятельству. Как же господин советник Ломоносов ис присутствия отбыл, то призваны были ис помянутых столяров два человека, с коими оные господа Тауберт и Штелин, разговаривая иностранным языком, объявили, что они ниже прежде требуемых цен не берут, приказали регистратору Фирсову з двумя столярами о деле разных по несколку шафов заключить, как скоро возможно, кондиции за объявленную ими при первом торгу цену⁸⁶.

⁸³ Слово не разобрано, отчетливы только начало и конец. Восстановлено по смыслу.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 22–22 об.

⁸⁵ Там же. Л. 23–24 об.

⁸⁶ Там же. Л. 25–25 об. Сообщенное Гурьевым – часть событий, которые комментатор «Краткой истории о поведении Академической канцелярии...» охарактеризовал как случившееся

Позиция Ломоносова, какой зафиксировал ее Гурьев, сформировалась давно. Еще в 1759 г. он письменно отреагировал на ставшее ему известным разрешение президента академии забрать две тысячи рублей из средств, вырученных от продажи книг Академической типографии, на изготовление шкафов для Библиотеки АН и Кунсткамеры. Он считал, что средства на эти нужды следует требовать от Сената, а пока они добываются, книги и вещи могут оставаться в старых шкафах⁸⁷. Таким образом, он был не против изготовления новых шкафов (хотя и подчеркивал, что «Библиотека не состоит в позолоченных шкафах, но в довольстве книг надобных»). Его не устраивало, что Тауберт «не токмо казны беречь не старается, но и проискивает, как бы сделать шкафы великолепнее, а потому и дороже». Не устраивало и то, что на это пойдут деньги из доходов академической книжной лавки – которым он видел более достойное применение. В сочиненной в декабре 1761 г. записке Ломоносов, перечисляя прегрешения Тауберта, обвинил его помимо прочего еще и в том, что деньги, которые следовало расходовать на пополнение библиотеки и Кунсткамеры, тот тратил на изготовление шкафов. Мнение Ломоносова: «На постройку шкафов должно требовать суммы от Правительствующего Сената таким же образом, как от оного получила на выстройку погоревших палат»⁸⁸. Из сказанного логично вытекает позиция Ломоносова, какой ее описал Гурьев: по всем подобным вопросам предварительно оповещать Сенат и тратить деньги (включая траты на шкафы) только после его одобрения.

В том, что касалось оповещения Сената о заключении казавшихся сомнительными контрактов, позиции Гурьева и Ломоносова совпадали. Однако в борьбе за государственный интерес они действуют разрозненно. Гурьеву достаточно, что его слышит Шаховской – фигура намного более влиятельная, чем Ломоносов. О реакции Ломоносова он сообщает только затем, чтобы показать, что его (Гурьева) позицию отчасти поддерживают и академические круги. Кроме того, Гурьев предлагает Шаховскому провести через Сенат внешнюю экспертизу лоббируемого Таубертом контракта, подчеркивая при этом необъективность оценок, которые дают своей работе немецкие мастера:

Хотя ж столяры академической Фрич и придворной Эгерт о деле шафов и уверили, якобы той цены стоят, но едва ль на них утвердитца можно, ибо все немцы утверждают, якобы их работа против российских мастеров лучше, а у них у самих по большей части работают российские⁸⁹.

Любопытна записка, следующая в деле за этим доношением. Неизвестный (судя по почерку, – скорее всего, Гурьев) высказывает мысль, что, может быть, не все спасенные от пожара шкафы так уж нехороши, что новые, может быть, и не нужны. Он предлагает обратиться как к эксперту к архитектору Чева-

24 августа «резкое столкновение Ломоносова с Таубертом, на сторону которого стал и Штелин» (*Ломоносов. Полное собрание сочинений...* Т. 10. Приложения. С. 592). Отмечаем это, поскольку в изложении Гурьева от резкости не осталось и следа.

⁸⁷ *Копанева. М. В. Ломоносов и Кунсткамера...* С. 10.

⁸⁸ *Ломоносов. Записка о служебных преступлениях...* С. 205.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 26–26 об.

кинскому, «яко сведущему в том искусстве»⁹⁰. В поле зрения академического чиновника С. И. Чевакинский попал вполне естественным образом: с 1755 по 1758 г. он работал над восстановлением башни Кунсткамеры⁹¹. К сожалению, в дальнейшем имя этого крупного архитектора в использованных нами документах не встречается.

28 августа, то есть на следующий день после Гурьева, свое послание Шаховскому отправил и Тауберт. Из этого документа⁹², достойного, на наш взгляд, полной публикации, здесь выделим несколько моментов:

1. Тауберт несколько раз подчеркивает огромную роль, которую сыграл в формировании Библиотеки АН и Кунсткамеры Петр I. Например, «Государь Император Петр Великий болшую часть сих редкостей сам собрал из разных государств, не жалея никакого иждивения». Он исключительно высоко оценивает качество петровских коллекций и подчеркивает личную свою ответственность за их сохранность и экспонирование в достойном виде.

2. Автор доношения сообщает краткие сведения по истории Кунсткамеры, в частности, истории перемещения ее коллекций.

3. Тауберт упоминает о высокопоставленных посетителях дома: «Беспрестанно приходят знатныя особы как иностранные, так и здешние любопытствующие видеть Кунстькамеру и Библиотеку». Последние, по его уверению, возбуждают «понеыне любопытство как природных российских, так и всех приезжающих сюда иностранных». Из сказанного заключаем, что и библиотека, и Кунсткамера, находясь в демидовском доме, были доступны по меньшей мере для экскурсионного осмотра.

4. Тауберт отмечает, что академическим учреждениям в демидовском доме не очень комфортно. Посетителям он «принужден почти со стыдом и со всегдашнею оговоркою сказывать, что оныя вещи хранятся в том партикулярном доме не инако, как в магазине» (на складе). И далее: «Сокровище природы и редкостей» приходится показывать «в непристойном им месте и в столь презренном виде».

Остережемся, однако, слишком довериться словам мастера аппаратной интриги, каким являлся Тауберт. Утверждать, что дом Демидова – место для «сокровищ природы» неподходящее, его подталкивала необходимость отвести от себя обвинение в том, что он намеренно задерживается в нем. А как мы убедимся в дальнейшем, Тауберт действительно был не прочь задержаться у Демидова подольше.

Важным моментом, прозвучавшим в послании Тауберта, было заявление о скором окончании работ по подготовке академических палат к перемещению в них книг и коллекций:

Я уповаю, – писал он, – что, ежели мне никакого помешательства и затруднения учинено не будет, то в один год все шкафы и протчия внутренния украшения в залах и покоях Библиотеки и Кунсткамеры могут быть окон-

⁹⁰ Там же. Л. 27.

⁹¹ <http://www.ras.ru/kunstkamera/6e6d8a02-f616-4330-abea-51966baef22f.aspx?hidetoc=0>.

⁹² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 29–31 об.

чаны и вещи помалу порядочно и з бережью перенесены и расположены на прежних местах, где были до пожара⁹³.

Обязательство он не исполнил. Мебельные работы (те, что в одном из документов Гурьев назвал «непорядочным порядком шкафов»⁹⁴) затянулись на годы. Необходимые для оправдания «помешательства и затруднения», конечно, нашлись – сочувствуя Демидову, деньги для столяров Сенат выделять тем не менее не спешил.

Последнее пятилетие (1763–1767)

Следующее оживление переписки вокруг демидовского дома приходится уже на Екатерининскую эпоху, а именно на апрель–сентябрь 1763 г. Положением дел опять заинтересовались «наверху». Тауберт заявил, что «все шкафы зделаны, но только остаются красить, а протчия вызолотить», в доказательство чего провел «экскурсию» по отремонтированным помещениям академии: «...для того по всем полатам вода, показывал». Одновременно давал новые обещания по поводу демидовского дома: уверял, что очистка его завершится летом текущего года. 18 августа ему было в очередной раз велено поторопиться с освобождением дома от вещей и (это важно) определено, чтобы «за то, что он занят был библиотекою, время выданы были денги против Строгоновых». Но средств даже на окраску шкафов Сенат упорно не выделял, в связи с чем генерал-прокурор заявил представителю Демидова, что его хозяин. «когда болше терпя, то и малое время обождет». Тауберт же, вдохновленный поддержкой, в сентябре (лето прошло) в очередной раз «к скорейшей из дому выноске старание употребить охотно обещал»⁹⁵.

В самом конце января 1765 г. Демидов получил письмо Тауберта, из которого реконструируется следующая картина. Дом на Васильевском от академического имущества освобожден частично. В нем все еще остаются Минцкабинет, часть библиотеки и токаря Петра Великого «с персоною его». Полное освобождение помещений раньше середины лета не предвидится. За постой в предыдущие годы не заплачено.

На этом фоне Тауберт обращается к Демидову с предложением отдать его дом академии в наем на шесть лет для размещения в нем книжных лавки и склада. Условия: академия платит 500 рублей в год, оставляя хозяину два покоя для его приказчиков, подвалы, которые тот может использовать сам или сдавать (получая до 200 рублей в год), и берег для выгрузки барок с железом (из чего заключаем, что пристань перед ним, скорее всего, построена). Академия готова отремонтировать дом с зачетом расходов при расчете. Единственное, что должен обещать Демидов, – не продавать дом до истечения срока аренды. Тауберт перечисляет, чем его предложение может быть выгодно Демидову. Среди прочего:

⁹³ Там же. Л. 30.

⁹⁴ Там же. Л. 34.

⁹⁵ Там же. Л. 34–35.

Самой дом по исправлении его починкою не загадится и раззорится, как того ожидать должно от содержания в нем, например, трахтиров, харчевен и всегда переменяющихся подлых жильцов, ибо для одного или двух хорошаго состояния нанимателей, которые бы во всем порядок и чистоту наблюдали, сей дом [...] велик и непокоен ⁹⁶.

Еще одна выгода – деньги можно будет получить прямо из лавки, «не имея никаких хлопот с Канцеляриею». Общий итог:

...таким образом, дом ваш придет опять в состояние без всякаго употребленнаго от вас кошту, и во всегдашней исправности в силу заключаемаго контракта впредь содержан будет ⁹⁷.

Предложение Демидова не заинтересовало. В мае того же 1765 г. он подал новое прошение, на этот раз в Кабинет. Демидов просил об удалении из его дома остатков вещей и о плате ему за все годы из расчета 600 руб. в год, ссылаясь в обоснование суммы на расценки, по которым платили за строгановский дом. Вариант (это новая идея): зачесть просимую сумму в счет числящегося на нем немалого (32 178 руб.) долга Берг-коллегии ⁹⁸.

Проходит год. Часть коллекций Кунсткамеры остается все еще у Демидова. В мае 1766 г. в Канцелярию академии пишет его приказчик Василий Евсеев. К обычным просьбам (освободить дом, оплатить его использование) прибавляет новую: особо заплатить за живших в доме академических служителей, право которым квартировать в нем указом не предоставлялось ⁹⁹. (Не случайно Евсеев пишет именно в Академическую канцелярию – та с начала этой истории последовательно держалась за букву указа 1747 г.)

Канцелярия, обсудив послание, постановила... возратить его подателю, сопроводив излагающей ее позицию «надписью». В ней она отказывалась платить и за постой, и за служителей, поскольку те, «кои жили в оном доме, принадлежали единственно до Библиотеки и Кунсткамеры и которым непременно поблизости к Библиотеке и Кунсткаморе жить было должно». Из определения, между прочим, выясняется, что академия, освобождая дом от книг и коллекций, одновременно использовала его по иным надобностям. Неважно, что Демидов не принял предложение пустить к нему в дом академическую книжную лавку и магазин. С начала текущего года несколько покоев в его доме заняты таким именно магазином. «То учинено, – объясняла канцелярия, – по самой необходимости. Ибо не толко при Академии, но и на Гостином дворе и в других местах поблизости к Академии порозжих анбаров нет, и положить было негде». Но наполнение дома после указов о его освобождении суть действие, этим указам противоречащее. Учитывая это, канцелярия смягчает позицию в вопросе о плате за постой: заявляет о готовности за этот год аренду оплатить:

⁹⁶ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 57. Л. 2–2 об.

⁹⁷ Там же. Л. 2 об.

⁹⁸ Там же. Д. 383. Л. 36–36 об.

⁹⁹ Там же. Л. 37–37 об.

Академия во удовольствие ему, господину статскому советнику, считая с начала нынешняго года, до тех пор, пока тот дом совсем очищен не будет, имеет заплатить, яко за пожилое, по справедливости требуемую им цену¹⁰⁰.

Не договорившись с Академической канцелярией, Демидов 23 июня 1766 г. снова пишет в Сенат. Здание не освобождено, за 19 (уже 19!) лет использования не заплачено. На требование рассчитаться за проживание в доме служителей канцелярия

определила так, как бы она уже в отдаче того моего дома состоит самовластно (курсив наш. – И. Ю., С. К.), назнача толко мне заплату произвесть с начала нынешняго года, пока совсем очищен не будет¹⁰¹.

Причина, по которой с вопросом о плате она «к представлению никуда приступить не может», – «неизображение в ымянном указе». Но, напоминал Демидов, его дом был взят «не для чего иного, но толко по случаю академическим полатам повреждения на время», да и за соседний дом Строгановых оплата производится. Он просил, чтобы его дом «более в ведомстве Канцелярии академии наук не был», поскольку он и «так доволно от содержания оной пришел в крайнюю ветхость и [...] ныне к поправлению наступило удобное время».

Требование оплаты аргументировано в обновленной редакции. Прежде он заявлял, что деньги нужны для ремонта дома. Год назад нашел лучшее им применение, совмещавшее с частным интересом интерес государственный. Теперь он просит их выдать исключительно для внесения десятины, числящейся на нем по Берг-коллегии, или даже не выдавать, а просто зачесть «в число»¹⁰².

И только в январе 1767 г. Демидов в очередном прошении констатировал: «...в нынешнем году ис того моего дому кунстькамерные вещи вынесены». Упомянул и о том, что получил 500 руб. за пользование домом в предыдущем году. В его отношениях с академией оставался единственный неразрешенный вопрос: о плате за использование дома в прежние годы. Демидов соглашался рассчитывать казенный долг по годовой ставке в 500 руб., прося отдать его, списав с него часть долга по десятине (около 9 тыс. – сумма на фоне 32 тыс. заметная)¹⁰³. Адресатом его обращения на этот раз выступала не Канцелярия Академии наук (незадолго до этого ликвидированная), а вновь учрежденная¹⁰⁴ комиссия из членов академии. Последняя состояла «в дирекции» графа В. Г. Орлова, которому именовым указом императрицы предписывалось «со всеми назначенными» управлять делами, «наблюдая при том, чтоб приходам

¹⁰⁰ Там же. Л. 38 об.

¹⁰¹ Там же. Л. 39 об.

¹⁰² Там же. Л. 40–40 об.

¹⁰³ Там же. Л. 42–42 об.

¹⁰⁴ Именным указом графу Владимиру Орлову, данным 30 октября 1766 г. (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 43. Л. 329).

и расходам веден был счет порядочный». Учитывая смену действующих лиц, основания надеяться, что дело сдвинется, у Демидова были.

Но это – уже другая история. История пребывания Библиотеки АН и Кунсткамеры в доме Н. А. Демидова завершилась.

Некоторые заключительные замечания

Вернемся теперь к вопросам, которые ранее перед собой поставили.

Почему библиотека и Кунсткамера оказались именно в демидовском доме – мы уже объяснили.

Кто и как книги и вещи в нем хранил и использовал?

Для обеспечения их сохранности в дом были подселены сотрудники библиотеки и Кунсткамеры. Выше цитировалось одно из прошений Демидова (1761), в котором тот поименно перечислил служителей, живших в его доме, при этом согласился, что «первыя троя до Библиотеки и Кунсткамеры и принадлежали». Тройку составляли: «ундер-библиотекариус» Семен Бухвостов, ученик Иван Ильин и солдат Иван Фадеев. Всего же на тот момент с позволения (или молчаливого согласия) академии здесь жили 40 человек, и, полагаем, к обслуживанию библиотеки и Кунсткамеры были причастны не только названные трое.

Представление о размещении предметов в помещениях, отведенных Кунсткамере, дает план Тауберта, относящийся к январю 1748 г. Знакомясь с ним, убеждаемся, что размещение опиралось на традиционную для таких музеев практику систематизации предметов. Позднее оно, вероятно, частично изменялось. Закключаем это из того, что в период пребывания Кунсткамеры в доме Демидова велась работа по восполнению утраченных коллекций¹⁰⁵, а добавление предметов неизбежно вело к перемещению уже имеющихся.

Относительно работы с собранием сведений не имеем. В целом коллекция была доступна для осмотра (хотя и не общедоступна), но насколько активно она изучалась? Ломоносов в 1761 г. публично упрекал Тауберта, что «не издан чрез толь долгое время новый каталог книгам для пользы ученых и любящих науки»¹⁰⁶. Не приходится, однако, сомневаться, что в условиях временного хранения эта работа по объективным причинам была затруднена.

Но почему, попав в демидовский дом, книги Библиотеки Академии наук и собрание Кунсткамеры так долго в нем оставались?

На наш взгляд, более всего виноват в этом наспех написанный указ от 23 декабря 1747 г. Он фиксировал послепожарную ситуацию: произошла катастрофа, необходимо спасать ценные вещи, рядом дом, которым хозяева не мо-

¹⁰⁵ Связанный с этим фактический материал см. в кн.: Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978. С. 42–44. В литературе присутствуют и другие оценки деятельности по комплектованию коллекций Кунсткамеры. Так, Н. П. Копанева применительно к началу 1760-х гг. пишет, что «никакой работы по пополнению фондов фактически не проводилось» (Копанева. М. В. Ломоносов и Кунсткамера... С. 13).

¹⁰⁶ Выписка из журнала Канцелярии АН по поводу непредставления И. И. Таубертом отчетов о состоянии Библиотеки и Кунсткамеры // Ломоносов. Полное собрание сочинений... Т. 10. № 458. С. 197.

гут распоряжаться, а императрица – может. О том, что положение изменится, дом приобретет полноправного хозяина и тот пожелает вступить во владение им, – никто тогда не задумывался. Десять лет спустя это произошло, но академия к демидовскому дому уже привыкла и расставаться с ним не спешила, тем более что и собственные палаты были еще не готовы. А у хозяина, Н. А. Демидова, не хватало достаточного веса и связей, чтобы ситуацию переломить. Впрочем, не уверены, что он хотел ее именно *ломать*.

Уместно присмотреться, как в эти годы (1758–1766) складывались отношения хозяина дома и его «постояльца». Прагматизм – вот что определяло и отношения, и выражавшие их действия. Эмоционального напряжения в них, судя по отразившим события текстам, не было.

Академия неизменно держалась за императорский указ 1747 г. (отдать под книги и коллекции дом Демидовых, покамест «академические полаты построены будут») – держалась за его букву или, на худой конец, за дух. Палаты построены, но не отделаны, переезжать нельзя – следовательно, она вправе оставаться во временном помещении. О плате хозяину за пребывание в доме в указе не сказано – стало быть, ничего академия платить ему не станет. А что заплачено Строганову – это совсем другая статья: дом последнего с самого начала *нанимался*, академия за аренду и платит.

Если смотреть на ситуацию с позиции Н. А. Демидова, то и его действия вполне логичны и обоснованы. Дом был ему нужен (он, крупный заводовладелец, не имел в столице ни резиденции, ни удобного склада) – стало быть, академии, которая и так долго им пользовалась, пора его освободить. Дом обветшал, требовал ремонта, ремонт – затрат. Довела его до такого состояния тоже академия – значит, нужно или заплатить, или списать часть его долга казне. (Кстати, почему с Демидовым в качестве представителя академии не воевал Ломоносов? Думаем потому, что, во-первых, это значило бы вступить в союз с его (Ломоносова) противниками, прежде всего с Таубертом, во-вторых, потому что Демидов искал и находил поддержку в Сенате и Кабинете, а Ломоносов в своих войнах сам держался за эти учреждения и конфликтовать по их поводу не хотел.)

Руководствуясь собственной логикой и интересами, стороны тем не менее искали выход из положения и свои позиции время от времени корректировали. В этом отношении особенно примечательно письмо Тауберта Демидову от 28 января 1765 г., в котором тот, предлагая сдать дом академии, живописует режим этого использования, существенно отличный от того, который имел место прежде. Трудно сказать, были эти предложения выгодны или нет Демидову (мы не знаем всей совокупности факторов, которые определяли его выбор), но, если бы стороны пошли на такое соглашение, продолжение отношений, несомненно, строилось бы на совершенно другой основе.

Надо отдать должное и Демидову. Он ждал освобождения дома на протяжении многих лет и, полагаем, не только потому, что не имел возможности подтолкнуть события. Никто не мешал ему, например, в 1758 г., после отказа, полученного из академии, сразу обратиться в Сенат или Кабинет. Может быть, и там он получил бы отказ, но не исключено и другое решение. Он, однако, два года действий не предпринимал, потом начал строить у дома пристань и лишь вслед за этим снова напомнил о том, кто в доме хозяин. После

того как дом стал его собственностью, Академия наук находилась у него в гостях без малого десятилетие – это ли не свидетельство его терпимости, его желания добиться своего, не нанеся при этом ущерба академии?

Так что остережемся давать характеристики действующим лицам этой истории в категориях хороший / плохой.

Почти двадцать лет, проведенных в демидовском доме, – важная страница истории академических библиотеки и Кунсткамеры. Здесь они были сохранены, здесь их показывали гостям. Несомненно, в какой-то степени здесь их использовали и для научных целей. Слова Тауберта о том, как им было здесь неудобно, следует оценивать в контексте. Автор осознанно противопоставлял нынешний «эконом-класс» их содержания будущему раю. Если коллекцию демонстрировали экскурсантам, значит, не так уж плохо все это выглядело.

У пережившей многие невзгоды Российской академии наук немало поводов добрым словом вспоминать Демидовых. В 1830–1860-х гг. она присуждала основанную и оплаченную ими высшую в то время премию за выдающиеся научные достижения. Ими были профинансированы экспедиции, собраны научные коллекции. Не забудем и вклад в спасение пострадавших при пожаре 1747 г. Библиотеки АН и первого российского музея – учреждений, бесценные сокровища которых бережно хранятся и изучаются по сей день. В том числе и потому, что в тяжелую минуту их спасло гостеприимство Демидовых.

Остается добавить, что, покинув дом Демидова, Академия наук на это место позднее возвратилась. В стоящем здесь сейчас здании Северного пакгауза Васильевского острова (набережная Макарова, 2) в 1920–1960-х гг. работал Геологический и минералогический музей АН. В настоящее время в нем также размещаются академические учреждения – Институт химии силикатов им. И. В. Гребенщикова и Институт геологии и геохронологии докембрия, а в соседнем (№ 4) здании еще одно – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.